

Струве П. Национальный эрос и идея государства filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

П. Б. Струве Национальный эрос и идея государства

I Прежде всего о внутреннем противоречии, в которое я впадаю, отрицая применимость категорического императива в этическом смысле к историческим столкновениям народов и к отношению личности к своему народу и государству, и утверждая в то же время, что политический или национальный эрос предъявляет личности безусловные веления, есть приказывающий нам "высший голос".

Указание это, которое кажется на первый взгляд убедительным, на самом деле представляет простое недоразумение и по существу, и формально-логически. Начну со второго. Из того, что "категорический императив" в этическом смысле есть безусловное веление, вовсе не следует, что не может быть других безусловных велений, весьма отличных, непохожих на категорический императив.

Категорический императив в этическом смысле безусловно предписывает нам известное отношение к человеку, безразлично, как мы к нему относимся по своему личному чувству. Это обязанность, или долг, совершенно безличный. Наоборот, эрос, каково бы ни было его устремление, всегда есть отношение совершенно личного или индивидуального характера. Для категорического императива совершенно не нужно любви, влечения в подлинном смысле слова, и не нужно никакой приуроченности к лицу, никакой индивидуализации. Совсем иное дело тот эрос, о котором заговорил и, по моему убеждению, весьма метко Д. Д. Муретов. Стройности и точности его мысли повредило проведение аналогии между эросом политическим, или национальным, и эросом в сексуальном смысле. Кн. Е.Н. Трубецкой правильно указывает, что отношение к своему народу и государству есть чувство скорее аналогичное отношению сына к матери. Замечу, однако, что отношение человека к своей родине сложнее просто сыновства. Много лет назад я писал в другом месте:

"Мы живо любим нашу родину и наш народ. Мы не знаем и не хотим знать, почему и зачем, мы любим без цели, мы отдаемся этому то спокойному, то жгучему и бурному чувству без всякой задней мысли, как о том с неподражаемой силой и искренностью поведал великий поэт в своем чудесном стихотворении. Но мы чувствуем и знаем, как мы любим это дорогое нам, живое и в то же время не сравнимое и несоизмеримое ни с чем живым, существо. Мы любим родину, как дитя любит мать. Прекрасное сравнение! Оно у всех на устах, всем сродни. Но родина нам не только мать. Она в такой же мере наше дитя. Мы в сознательной и бессознательной жизни, духовно и морально, одно поколение за другим творим и растим нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаем ее тело своими стремлениями и помыслами мы напояем ее душу. Мы творим ее живую и вечно меняющуюся ткань. В разной мере, но все без исключения, мы повинны этой творческой работе. Все это не пустая игра слов и не мистические бредни. В нашем отношении к родине сливаются две стихии созидаящая и дающая, охраняющая и воспринимающая, пророчество и воспоминание.

Мать-дитя! В этом символе разгадка мучительно-искренних споров о том, что любить в родине: действительность настоящего дня или мечту о завтрашнем, спокойствие существующего или бурю и натиск идущего ему на смену будущего. Мать держит нас в руках, дает нам приказания, дитя слушается нас и во всяком случае, хочет оно того или не хочет, живет и растет под нашим влиянием. Как же любить это двойственное и в то же время это единое существо? Как удовлетворить и мать, и дитя?"*

Но из такого понимания связи человека с породившей его и творимой им родиной вовсе не вытекает, чтобы эта связь не основывалась на своеобразном эросе, т.е. на совершенно личном и интимном отношении*. Наоборот, именно эта аналогия, к тому же вовсе не случайная, а связанная с самим существом национального и государственного начала, генетически являющегося расширением сыновства или родства, характеризует отношение к нации и государству, как эрос. Та обязанность сыновнего почтения к матери, которая признается нами как нечто "безусловно должное", есть лишь безличное этическое отражение в сознании совершенно иного, чисто личного, интимного отношения, не могущего быть предписываемым и ощущаемым нами не как обязанность, а как любовь или влечение. Здесь различие вовсе не в том, что одно веление категорический императив, носит объективный характер, а другое, исходящее от любви, эроса, имеет характер субъективный. Ибо всякой подлинный эрос, даже настоящий сексуальный эрос, всегда восходит к некоей объективной силе и имеет объективное значение. Различие тут заключается в том, что обязанность морального свойства (или категорический императив в этическом смысле слова) безлична, относится ко всякому субъекту, носящему человеческое обличье, а эрос, т.е. любовь или влечение, есть индивидуальное

Струве П. Национальный эрос и идея государства filosoff.org или индивидуализированное отношение, живое, живущее и живящее. Такое отношение не может быть до конца рационализировано и в нем дает себя знать высшая сила, слышится зов влекущий, говорящий иногда наперекор заповедям морали и внушениям разума. И потому этот зов может рождать столкновения и борения в нашей душе, более глубокие и более мучительные, чем простые конфликты различных нравственных обязанностей.

Известная деятельница революции В.Н. Фигнер в психологически чрезвычайно интересных воспоминаниях о после шлиссельбургских днях своей жизни (Русские Записки, декабрь 1916 г., с. 56), описывая то одиночество, которое она испытывала в ссылке на крайнем севере, рассказывает следующее переживание, весьма интересное именно в этом отношении: "Мне не к кому было пойти: ни одного товарища, ни одного равного мне! Нечем было развлечься, кроме разговора с маленьким нищим, которого мать посылала для прокормления собирать милостыню. Каждое утро этот пятилетний крошка стучался в мою дверь, и я угощала его чаем с булкой. С достоинством говорил он, что "кормит свою мать", и однажды поразил меня ответом на вопрос: зачем ему мать? Задавая этот вопрос, я соблазняла мальчика, уговаривая остаться у меня навсегда. "Разве тебе нравится ходить по миру и собирать куски Христа ради?" спрашивала я. Нет, ему не нравится. "Ну, вот будешь жить у меня, так не придется просить милостыню: у тебя все будет. Я сошью тебе красную рубашку и куплю сапожки". "А как же мама?" спрашивал ребенок. "Мама будет работать, и работа прокормит ее" "Ты подумай только: вместо того, чтоб с сумой ходить, ты будешь жить в тепле, я буду учить тебя, потом отдам в школу. Оставайся-ка!" "А как же мама?" повторял Ваня. "Ну, что же мама. Зачем тебе мама?!" сказала я. Ребенок молчал, потом поднял голову и с улыбкой привел неотразимый аргумент:

Зачем?! А мы вечером обнимемся, да и спим! сказал он".

IIГоворя о "политическом эросе", кн. Е. Н. Трубецкой его принижает в двояком смысле. А именно, следуя за случайной для мысли Д.Д. Муретова аналогией с половым чувством, аналогией, которую я вовсе не разделяю, мой оппонент сужает значение этой стихии любви и умаляет ее силу и достоинство. Напирая на определение "политический", он стремится к тому же. На это необходимо заметить, во-первых, что, конечно, любовь к своему народу и государству есть стихия не "эротическая" в вульгарном смысле. А засим такой эрос вовсе и не замыкается в узкие рамки того, что обычно называется политикой. Он относится ко всему культурно-национальному бытию народа как особой сверхиндивидуальной и в то же время отнюдь не безличной силы. При этом я не могу не высказаться по вопросу о ценности и значении государства. Конечно, обожествление эмпирического государства, а тем более обожествление каких-либо форм государственной власти, должно быть отвергаемо как пагубное идолопоклонство. Но государственная жизнь и жизнь в государстве не есть в то же время просто нечто техническое в человеческом существовании: в государстве есть, помимо социальной техники, нечто от божественного начала. Поэтому с углубленной религиозной точки зрения трактовать государство как чисто технический институт представляется мне столь же превратным, как и идолопоклонство перед эмпирическими формами и выражениями государственного начала. В любви к государству выражается не политический материализм, иначе макиавеллизм, а, наоборот, бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии религиозное отношение к сменяющему друг друга на земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам, которых мы никогда не видели, и любовь к потомкам, которых мы никогда не увидим. Со всеми ними нас в государстве (а также в нации, которая всегда стремится к государственному оформлению) объединяет высшая религиозная связь, вне которой человек косянет в сегодняшнем дне, живет без прошлого и без будущего, не в духовном общении и единении с близкими и дальними, а в физическом столплении и в физической же давке. Идея государства поэтому имеет такое же религиозное значение, как и известным образом понимаемая идея человечества. И в той, и в другой есть аспект божественно-космический. Сознание, что жизнь народа не замыкается "нашим веком", как думают те, кто живут по максиме: "на наш век хватит", сознание, что есть дорожие для всех нас национальные могилы и национальные колыбели, вносит в жизнь каждого отдельного человека истинное духовное благообразие; Оно связывает его с Высшим Началом и тем самым есть подлинный элемент религии. Этот религиозный, божественно-космический аспект государства не только не означает идолопоклонства перед эмпирическими формами и выражениями государственного начала, а, наоборот, его признание и принятие есть лучшее противоядие против такого идолопоклонства. Нельзя также признать, что религиозное значение государства сводится к обузданию зверя в человеке, как, по-видимому, думает кн. Е.Н. Трубецкой (см. выше, с. 200. Государство имеет положительную миссию, являясь само по себе ценностью, как особый аспект сверхличного человеческого бытия.

Но я не могу согласиться, что противоречия между велениями национального или политического эроса и велениями нравственного закона есть противоречие внутри этики. Внутри совести, да. Но тогда совесть, или, что то же, душа человека, имеет перед собой безличный нравственный закон (например: "не убий") и веление, вытекающее из бытия целого, сверхличного, но не безличного, а, наоборот, индивидуального (например: "иди войной на внешнего врага"). Это веление не просто логически-технический вывод из факта существования государства, как необходимого аппарата обуздания зверя в человеке, ибо когда человек идет на войну, он защищает не государство вообще, даже не лучшее государство, и вовсе не думает о государстве как об аппарате, только осуществляющем "цели безусловного Добра". Перед ним родина милое существо и единство, ему дорогое, для него единственное. И отношение этого живого единства к "безусловному Добру" может вовсе не созвучаться человеком и в самом деле не может не быть скрыто от его разума. В рассуждениях кн. Е.П. Трубецкого мне чувствуется этический и религиозный рационализм, для которого все ясно в том, что именно пред лицом разума до конца спорно и смутно. "Вселенская правда религии" (выше у кн. Е.Н. Трубецкого, с. 79) оказывается поразительно совпадающей с идеалом космополитического рационализма. Я не склонен вовсе относиться с презрением к этому последнему идеалу; наоборот, я вижу в нем большую психологическую силу, которая способна приводить души и умы в движение. Но эта сила не та, которая движет такими великими столкновениями народов, как мировая война, и в них укрепляет народный дух.

III Последняя часть статьи кн. Е.Н. Трубецкого направлена против "тенденции современного государства утверждать себя как безусловную и высшую ценность" (с. 90), тенденции, которая представляет всеобщую опасность, вытекающую из доведенного до конца культа "национального государства".

В этих красноречивых обличениях грядущей "пруссификации народов" переплетается так много мотивов, отчасти неявно выступающих, что трудно уловить мотив основной, для которого все приводящиеся служат если не украшениями, то придатками.

Поскольку автор обличает Германию и немцев, с ним, наверное, согласится огромное большинство читателей. И мне возражать ему в этой области представляется ненужным, хотя я бы распределил иначе оттенки и ударения, чем делает кн. Трубецкой, если бы вообще ощущал призвание к словесной борьбе с противником и удовлетворение от нее.

Но мой оппонент сам подчеркивает, что по существу он говорит "не о Германии, а об общей всем угрожающей опасности", о надвигающейся на мир "эпохе величайшего соблазна" (с. 92). Я должен откровенно сказать: всего того, чего боится кн. Е.Н. Трубецкой, я не вижу и не ощущаю и рисующиеся ему соблазны и опасности считаю призрачными. Государственность в условиях войны действительно достигла величайшего напряжения, ибо только собранными силами можно вести такую титаническую борьбу. Это напряжение государственности есть абсолютная необходимость, без которой был бы немыслим самый факт величайшей в мировой истории войны. Но в поле, доступном моим наблюдениям, я не только не вижу абсолютного духовного подчинения человека государству и государственности, а скорее наблюдаю психологию обратную, слишком внешнее отношение человека к своему государству, более чем недостаточное одухотворение личности государственной необходимостью, слишком пассивное ее отношение к великим историческим задачам момента. Об этом трудно писать в наше время типографской краски и цензуры; но для такого предмета, быть может, нужны именно "израильские пророки", ибо он вовсе не относится к области той низшей "политики", о которой говорил кн. Е.Н. Трубецкой. Вернее, тут открывается связь между политикой и религией, и тут государственный индифферентизм в конце концов восходит к моральной тупости и к слабости религиозного сознания, к забвению Бога и божественного миропорядка...

После войны, как реакцию тому огромному напряжению государственности, которое принесла война, я предвижу эпоху не духовного порабощения личности государству, а скорее наоборот духовного бунта личности против государства, эпоху возрождения и углубления всякого, религиозного и безрелигиозного, анархизма. В связи с этими перспективами вырисовываются и задачи будущего. В их изображении необходимо учесть весь огромный подлинный психологический опыт этой войны, очищенный от всех преувеличений в ту или другую сторону. Но сейчас не наступило еще время для такой работы. Сейчас мы посреди суровых необходимостей войны и должны все усилия направить на то, чтобы из них выйти, победив силу врага и преодолев собственные недостатки и слабости.

Струве П. Национальный эрос и идея государства filosoff.org
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!